

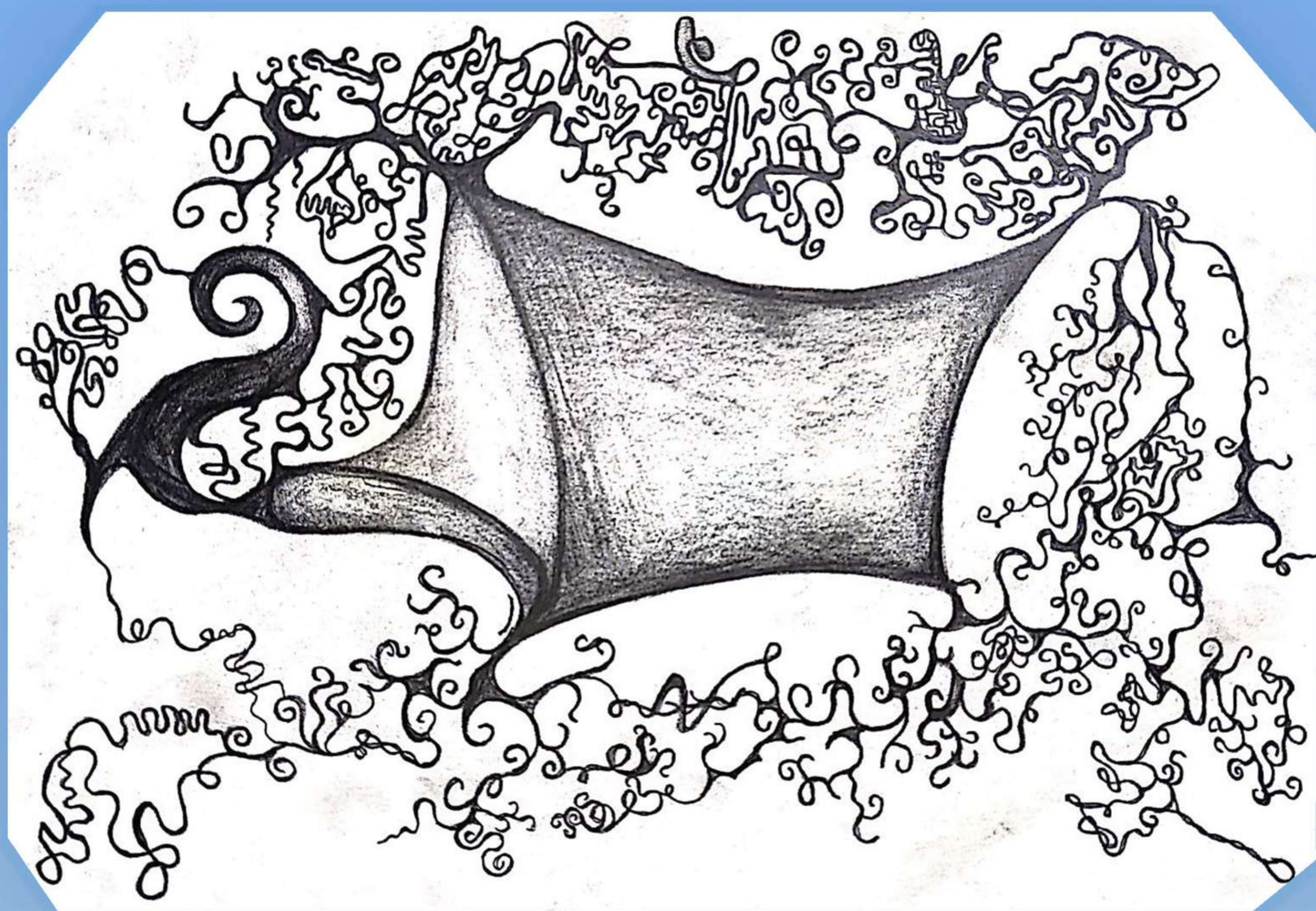

ОКТАВА

Литературный
альманах

№5

02.2021

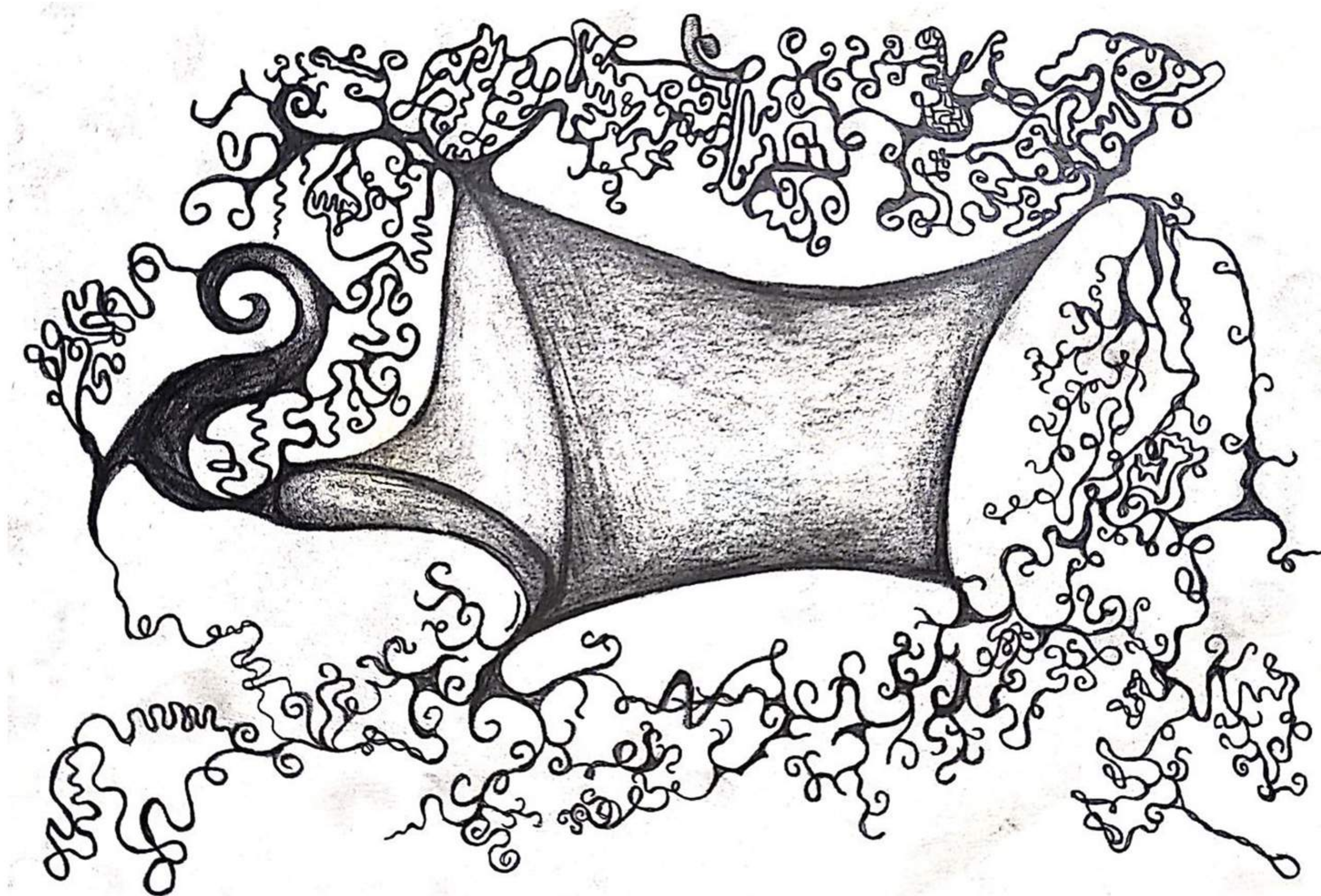
Морозные узоры

Морозные узоры – самая большая тайна природы. Вероятно, каждый из нас задавался вопросом: как под воздействием низких температур вода превращается в диковинные цветы, в безупречной формы кристаллы и звёзды? Как обычный пар становится поэзией, музыкой, игрой солнечных лучей на тончайших ледяных линиях и завитках? Я бы сравнила эту метаморфозу с тем, как наша будничная жизнь в преломлении через сознание художника превращается в неповторимый образ. И тут стержневым словом хочется поставить "сознание". Мудрая Вселенная говорит с нами языком красоты и любви, а люди учатся этой мудрости.

Марина Помоз

ОКТАХА

Литературный альманах

Издательство ГУДО "Центр творчества
детей и молодежи"

Борисов

2021

Содержание

Поэзия

Александр Левша	4
Янка Лайкоў	14

Проза

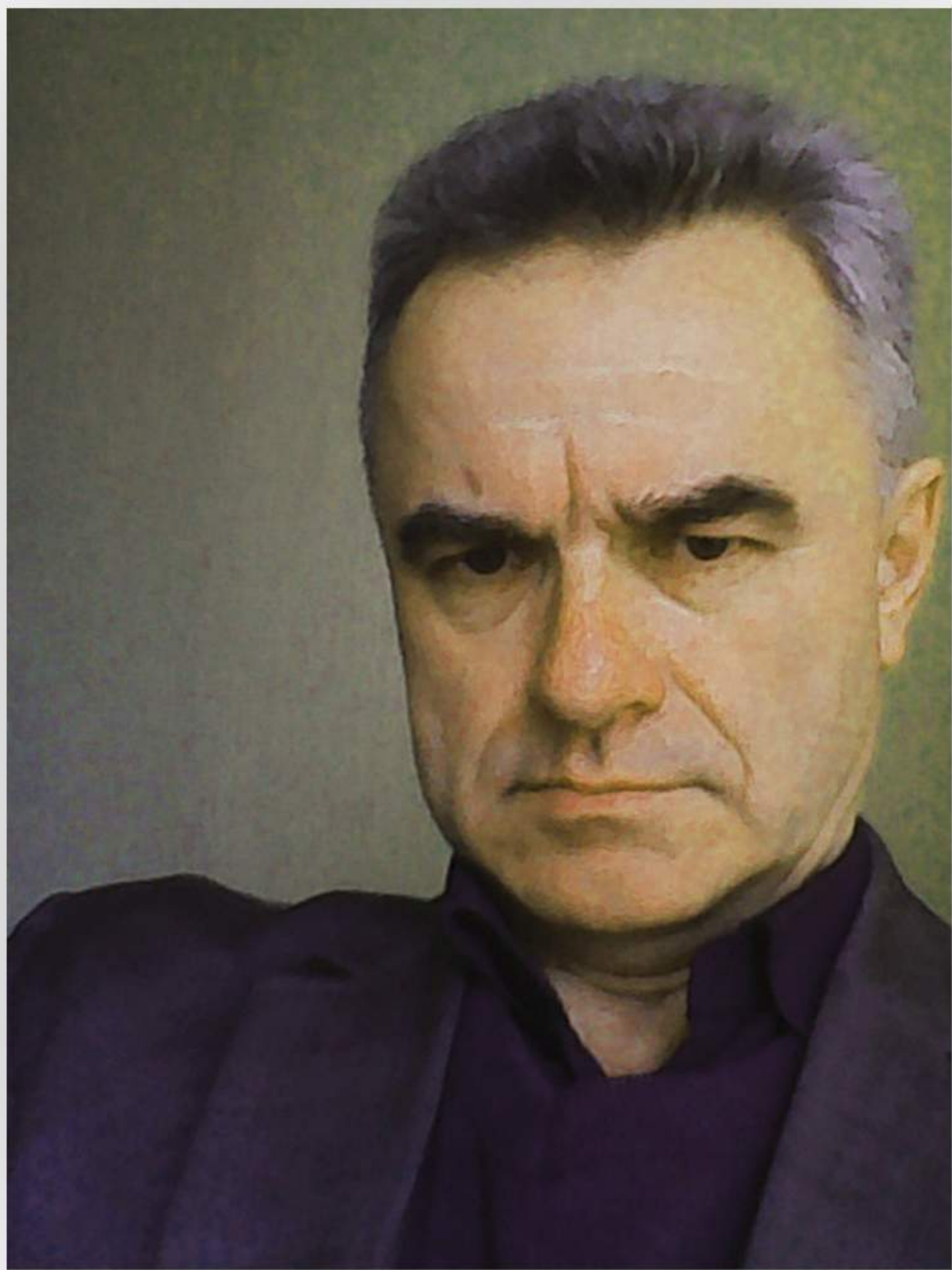
Вероника Лайкова	
“На Родину”	21
Алексей Помоз	
“Рыбалка на Рождество”	25
Марыя Піхтоўнікава	
“Дзьве мары”	30
Марыя Шыпілава	
“Жалезная кальчуга для душы”	35
“Час, калі раздаюць шчасце”	36

Сказки

Андрей Семенов	
“Декабрь. Заячья шубка”	40
Анастасия Кирашева	
“Старый лось”	45
Анастасія Ткачэнка	
“Цуды каляднай зоркі”	49

ПОЭЗИЯ

Александр Левша

Левша Александр Алексеевич, поэт. Родился в деревне Костюки Борисовского района Минской области, живет в Борисове. Работает ведущим инженером в РУП «Белтелеком», «Междугородняя связь». Имеет много различных хобби: игра на гитаре,

плотничество, радиоэлектроника, катание на коньках и лыжах, путешествия.

Поэзия- неотъемлемая сторона его жизни. Долгое время возглавлял в Борисове литературное отделение «Полоцкая ветвь», помогал начинающим поэтам в самореализации, издал коллективный сборник «Солнцебиение сердца». Имеет собственные поэтические книги: «Струна в тумане», «Женская логика», «Вовнутрь открывается» и др.

Февраль

Зимой, когда свистит февраль
И тянет змейками позёмки,
Моя знакомая — печаль
Глядит в душевные потёмки.
Тревожный шорох по стене,
То ветра всхлип по узким щелям,
Не знаю, отчего к весне
Так плакать хочется метелям.
Так грустно ночью без огня
Свечи, растаявшей во мраке!
О прошлое! измучь меня
Тоской отвергнутой собаки.
Я эту сладость воспою,
Я волю дам душевным трелям...
Февраль листает жизнь мою
И греет веером метелей.

Слово за словом — как капли,
летающие с крыши,
Я постараюсь, я к Вам напишу,
как никто не напишет.
Жалко вот только, что обнаженность
сердца исчезла,
Разум смеётся, стала доступной
магия жезла.
Разум смеётся (как же иначе!?),
тешится властью.
Я закрываю, я сокрываю
двери для счастья.
Все отцветает — это привычно,
это знакомо.
Пусть умирает! — пусть торжествует
воля закона.
Я ли здесь нищий, чтобы держаться
милостей серых?
Видно, судьба мне — жить без надежды —
выжить без веры.
Слово за словом тихо, как капли
с крыши (не так ли?)
Вы улыбнётесь! — Вам подарил бы
все... да иссякли...

Сегодня снег ходить учился.
Он падал,
падал,
падал,
падал...
Я по-отцовски прослезился,
назвав хождение снегопадом.
Он падал мне на рукавицы.
На крыши,
шапки...
И — ресницы.
То ввысь взмывал, как жест протеста, —
Как будто мало было места
лежать повсюду, как попало,
играя с полем в одеяло...
Глядел я взором снеголюбца
на снег,
летающий отвесно.
На шепот Бога — если грубо;
на негу сердца — если честно.
То он редел до одиноких,
снежинок в тишине-покое,
оставив свет глубин высоких,
хотел побыть самим собою.
И я, забыв про мир унылый,
переполнялся счастьем бреда...
Так снег ходил — дарил мне силы —
И это — снегова победа.

Малиновый чай

Зима. Мороз — как в старину,
Трескучий, но любезный.
Как я любил, присев к окну,
"малинник" пить полезный.
Приятен тёплый аромат;
О кружку руки грея,
Люблю смотреть в окно, как сад
Под снегом цепенеет.
Любил — люблю, да вот напасть,
Такая несуразность:
Природа разрушает связь...
Любил — люблю,— есть разность.
Вот раньше были январь
Трескучие в крещение,—
Срывались с веток снегири,
Как жертвоприношение!
Теперь под слабый свет свечи
Люблю я в вечер длинный
Тепло припомнить от печи
И чая вкус малинный.
И так в домашней полутьме,
Печальной и счастливой,
Приятно высказать зиме,—
Что б вымолвил любимой.

Четвертая молитва

О, мой Господь, омой мои седины
Слезой Любви,
Слезой Любви.
О, докажи мне правду середины
Не на крови,
Не на крови.
О, мой Господь, не славословлю все
И не ропщу,
И не ропщу.
Не отвергаю истину чужую
Свою ищу,
Свою ищу.
Превозмогая ложные утраты
Иду один,
Иду один.
Дела мои и сроки жизни сжаты
До дней седин,
До дней седин.

Милый прохожий, ты знаешь, что всё позади,
Знаешь и ты: от пути ничего не осталось.
А тихая нежная правда, что билась в груди,
Сердцем твоим называлась.
Милый прохожий, уже догорает август,
Вечер волнует насыщенным марсовым светом...
Милый прохожий, ты счастлив всегда, ибо пуст,
Ибо едино здесь быть: печником иль поэтом.
Тихо. Умолк колокольчик за дальней горой,
Взор укачали ржаные холмистые дали.
Милый прохожий, с годами полынный настой,
Ты понимаешь?! — становится светом печали.
Бог утолит свою радость, из сердца испив
Славу пути твоего. Ты — исчезнешь конечно.
Милый прохожий, под нежной плакучестью ив
Переобуйся. Ты шел безупречно.

Душа, отрекись от боли.
Не так мы с тобой искали.
Нас вширь уводило поле,
А нужно —
по вертикали.
О, если б Господень посох —
Надежда — не преломился,
В цепях бы я шел в вопросах,
И снова с дороги сбился.
Пройду по планете скорби,
Отбросив печать печали.
И эхо обид не сгорбит
Серебрянными ночами.
Пронзая пространство светом
Смеется звезда мигая.
И кажется мне ответом
Неясная глубь нагая.

Раненой болью
светает моё поражение,
традиционно
играет моё окруженье.
Бархатом стужи
меня успокоит окрестность,
больше не давит,
а радует путь в неизвестность.

Приложение к медитации

После ереси слов
хочется спрятаться в тишь.
Из гомона городов
испаряешься и молчишь.
Хождение по камням
более чем итог —
тропа, по которой к нам
приближается Бог.
Каждый мой шаг босой —
к настоящему ключ.
Ощуцаю, росой
в камне спрятанный луч.
Знаешь ли ты секрет
хождения по камням?
В каждом шаге ответ
нашёл бы Омар Хайям.
Я спрашивал: кто я такой?
И камень дарил покой.
И мысли сжигались росой,
поскольку шагал я босой.
И каменным эхом в ответ
рождался ментальный просвет.
И переодетый закат
шутил, как юный рассвет
о том, что он вечности брат,
о том, что времени нет.

Философское

Сыну Александру

Вот она — леденящая душу усталость.
Вот он, финиш философа, — непостижимость!
Словно злая судьба надо мной посмеялась...
Я — достоин. Я принял — как неотвратимость.
В светлый лес окунусь да в берёзовый шум...
До весны моей шаг... да вот только — обратный!
Расскажи-ка мне, дядя, имеющий ум:
Ах, зачем я живу — мне никак не понятно.
Я проснулся однажды, а кто-то живой
Наклонился, пьяняще касаясь дыханьем, —
На скамейке сижу — и сирень надо мной,
Разбудила меня предрассветным качаньем.
Что же вы — равнодушные — ожидали?!
Что открою вам сердце слезой на ладони?
Те, кого я люблю, всё в глазах прочитали,
А загадка чиста, как душа на иконе.
Я пройду до конца этот путь — леденящий!
Ах, как жгуче дышать этой чёрной пургою.
Если я упаду, значит, я — настоящий.
Если я поднимусь, значит, я что-то стою.

Янка Лайкоў

Лайкоў Іван Уладзіміравіч, паэт, крытык, перакладчык. Нарадзіўся ў вёсцы Мётча Барысаўскага раёна. Жыве ў Барысаве, працуе ў Мінску рэдактарам аддзела прозы штотыднёвіка “ЛІМ”, а таксама – на аўтазаправачнай станцыі аператарам. Аўтар паэтычных зборнікаў : “Акраец паветра”, “Логіка пасткі”, “Вогнепаклоннік”.

Вежа маёй адзіноты

Я на самай вяршыні ейнай знаходжуся.
Бачу, як сонца ўзыходзіць
і як сонца заходзіць,
як робіцца поўняю маладзік,
поўня робіцца ветахам.
Асляпляльнае, спапяляльнае,
неспатольнае, дзіўнае
кола жыцця не спыняецца ні на хвіліну.

Я ж на самай вяршыні вежы знаходжуся.
Я прайшоў праз кола жыцця
і узнесся на нябёсы.
Беспрытульны, каб долу не ўпасці,
знайшоў сабе вежу.

Калыханка пачынаецца з надыходам ночы,
кожнае слова пачынаецца з даўно забытае
гісторыі сівой даўніны.

Я зайздросчу сенья таму,
хто стаіць на мяжы,
хто трымае нямое трымценне паходні
ў далоні
і сам кажа шлях свайму сэрцу.
Такое – дар Божы.

Сказ пад Каляды

Калі пачынаецца вечар зімовы доўгі –
знікае самота. Аловак крыжуе дарогі,
марозныя ўзоры на шкле пакрысе
люструюць бясконцых снягоў карусель,
самотныя блікі стамлёнай прыроды
ў забеленай пустцы вядуць карагоды,
а гляну – звычайны мароз на акне...
Ці праўда было, ці прыснілася мне:
з далекіх краёў сам Мікола Святы
прыйшоў асвятціць нашы душы і куты.

Толькі што ў нябесах паляла
і вось апала
зорачка.
І толькі самыя чуйныя на зямлі
(няйначай паэты) пачулі,
як жалілася яна і плакала,
скочваючыся Млечным Шляхам
у прадонныя тоні начы...

Прыслухайцеся –
гэта яна там
плюскоча,
плюскоча...

Апошнія кроплі расы
прыгожай да болю раніцы
усё даравалі ўсім,
аддаўшы ахвяру памяці.

А недзе забыты крок
гучаў у пакоі сцішана,
і ведалі ўсе: то Бог
прыйшоў, как падаць ім ісціну.

Проза

Лайкова Вероника Ивановна

Лайкова Вероника Ивановна, пишет стихи, прозу. Родилась в г. Борисове. Учится в 9 классе средней школы №16. Победитель республиканских литературных конкурсов. Имеет много разных увлечений: посещает художественную школу, играет на фортепиано, флейте, гитаре, аккордеоне. Участница ансамбля средневековой музыки «Вир». Читает книги

на польском языке. Участница литературного объединения “Октава” ГУДО “Центр творчества детей и молодежи Борисовского района”

На Родину

(рассказ)

Шумел, веселился, блистал, жил полной жизнью Лондон. Всё вокруг вспыхивало яркими красками, задорными мелодиями, куда-то безостановочно бежало. И не было во всем этом хороводе жизни места ни для спокойной радости, ни для тихой печали...

Так же и гомон сегодняшнего концерта - благотворительного концерта в пользу польской диаспоры Лондона - затмил собой скромную фортепианную музыку, которая казалась молчанием на фоне громогласных арий и народных распевов. С тяжёлым сердцем покидал концертный зал автор той музыки - Фридерик Шопен. "Где ты, моя ласковая родина? - кричала его душа - Где сыны твои верные? Неужели меня одного в мире покинула?"

Фридерик вышел на главную улицу города, устало окинув взглядом суеящуюся, кричащую и смеющуюся толпу людей. Как хотелось ему вырваться из беспощадного омута времени и оказаться там, где остались его мечты и надежды, где было бесконечно хорошо, где была его родина!

Вдруг на землю опустился туман. Окружающие люди будто растворились в нём, а небо прояснилось и пролило яркий свет. Кто-то позади Шопена окликнул его:
- День добрый, пане Фридерiku!

Шопен обернулся и увидел человека, совершенно не вписывающегося в общий вид Лондона - на нем были высокие сапоги, а воротник и рукава его рубашки были расшиты цветочным орнаментом.

- День добрый... Вы... Откуда Вы здесь? - недоуменно спросил Фридерик.

- Я послан сюда за Вами, чтобы вернуть Вас домой. Там все по Вам так соскучились! Идёмте со мной!

Хоть Шопен ещё был в недоумении, какое-то странное светлое чувство охватило его, и он пошел за незнакомым человеком. Через минуту они вышли на дорогу, за которой был лес. Этого леса Фридерик никогда не видел ранее, хоть часто бывал в ближайших окрестностях. Он обратил внимание на стоящую на дороге повозку, покрытую сеном, запряженную лошадью.

- Путь держим на восток. Ну, садитесь! Дорога дальняя предстоит.

Поляк сел в переднюю часть телеги и взялся за узду, Фридерик забрался на копну сена. Лошадь сделала шаг, и повозка тронулась.

Всё это было таким странным - и туман, и яркий свет с неба, и незнакомец. Но сладостное чувство возвращения к родному настолько поглотило Шопена, что необычайное не вызывало отторжения в его сознании. Подобное могло быть только в юности - такой же необычайной, чувственной, искренней, странной. Он смотрел на лес за дорогой - то был не горный северный лес, а лес его родных краев. Он смотрел на небо, красное от заката, и облака, удивительно чистые, белые...

Но внезапно небо дрогнуло и начало темнеть. Воздух становился все более пыльным и душным. С выси на землю стрелой упала молния, и раздался хриплый, воющий гром.

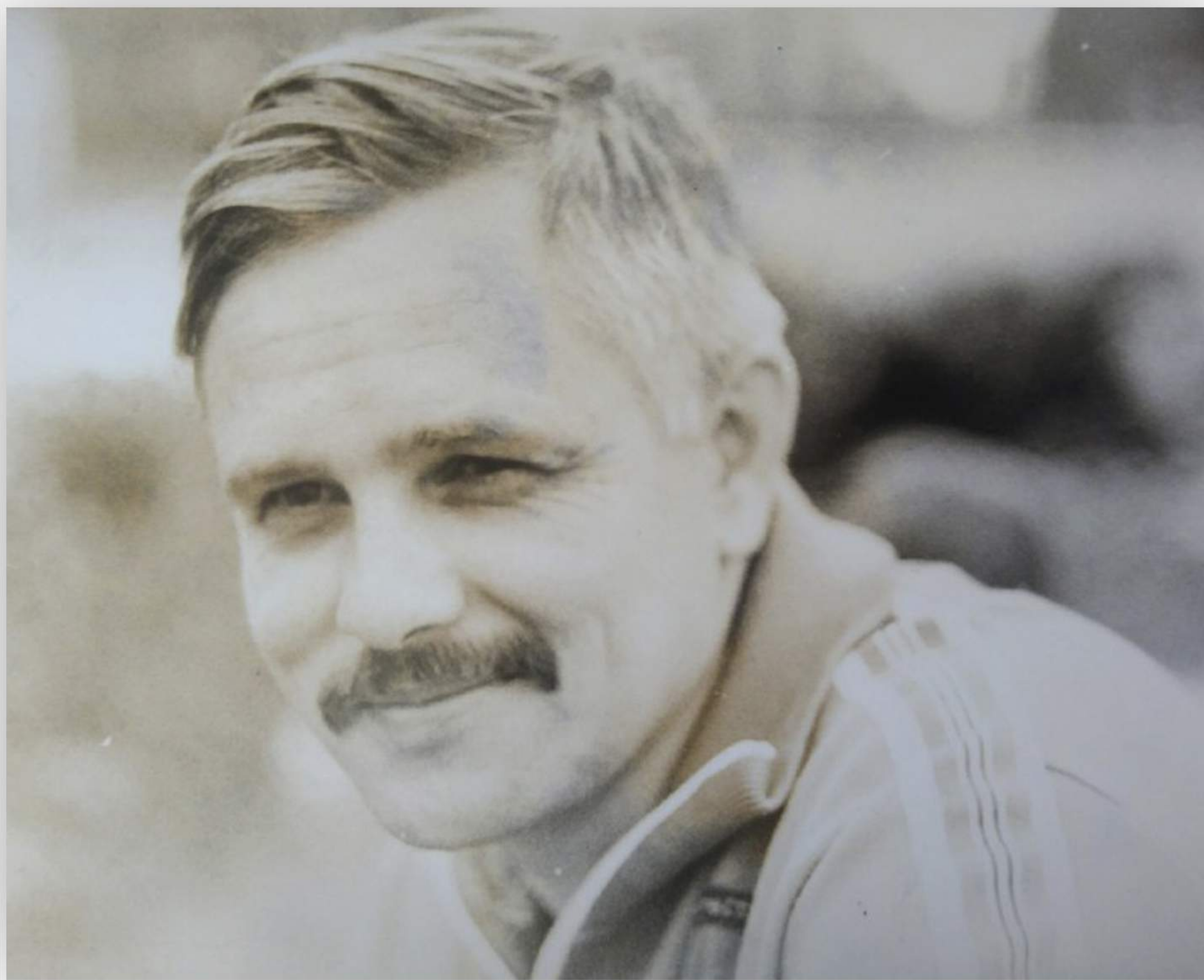
Лошадь, испугавшись, понеслась, что есть силы. Телега тряслась и раскачивалась. И в один момент, зацепившись колесом за большой камень, она подлетела вверх. Фридерик не удержался на стоге сена и упал на дорогу. Серое небо надменно смотрело на него и продолжало обстреливать землю молниями. Шопен не мог пошевелиться. Только на мгновение оглянулся в сторону, куда уезжала повозка, после чего в изнеможении закрыл глаза...

Его окликнул голос: "Фридерик, ты очнулся?" Шопен открыл глаза и обнаружил, что лежит на своей кровати, а в комнате хлопочут друзья: двое - около него, в краю комнаты - шотландка Джейн. Та суетилась и причитала: - Бедный, бедный! Эта шумная английская жизнь, эта гадкая погода! Они погубят Вас!

Как же Шопену опротивела скучность и жестокость этого мира...

Он взглянул в окно. На улице шел дождь и падали молнии, а повозка мчалась в даль - недостижимую, нереальную.

Алексей Помоз

Помоз Алексей Иванович, офицер запаса. Родился в г. Партизанске Приморского края. Служил в Чехословакии, на Сахалине, в Германии, в Беларуси. Работал военным журналистом, редактором газеты «Советский патриот» западной группы войск. Теперь живет в Борисове. Любит природу, лес, увлекается сбором лекарственных растений, грибов и ягод.

Рыбалка на Рождество

Зимние каникулы! Новогодний снег, трескучие морозы, даже вьюги – всё радовало нас, мальчишек шестидесятих. Катались мы на лыжах, прыгали с трамплинов, летали с гор на санках, розвальнях, сделанных из водопроводных труб.

А коньки! От лютых морозов в долинах между сопок лопалась земля. А из трещин, бурля, бились родники, заливая луга, болота, покосы... Ледяное раздолье! На коньках – снегурках (то были лезвия, прикрученные веревками к сапогам или валенкам) состязались мы: играли в пятнашки, бегали наперегонки, устраивали бои...

Недели хватало, чтобы утомиться. Баталии затихали. И тогда родители привлекали нас к домашним делам, коих в деревенских домах было невпроворот.

- Завтра пилим дрова! – сказал мне отец.

- Нельзя! – возразила мать, - Завтра Рождество Христово, большой праздник.

- Тогда пойду за форелью,- говорю.

- Нельзя! – настаивает мать.

- Я думаю, что можно, - перешел на мою сторону отец. – Христос рыбой и хлебом кормил людей.

На это мать не возразила. А значит, решено.

Натягиваю брезентовый костюм, мною сшитый в стиле “стиляги” из отцовской шахтерской спецовки, кирзовые сапоги, шапку-ушанку, подхватываю “сидор”, рюкзак из мешка. Вылетаю во двор, перемахиваю через забор – и был таков.

Легким бегом – к Александровке, небольшой деревушке, где жил школьный товарищ Вовка Баранов, позвавший меня на рыбалку еще несколько дней назад. Отношения наши были неоднозначные. Конкурировали с ним, бегали наперегонки, тягали гири, состязались в ловкости. Но случилось, спорили и даже дрались. И тут же, утирая окровавленные носы, мирились, выяснив, кто прав, кто виноват. Но крепко роднила нас любовь к тайге, походы, сбор кедровых шишек, охота и рыбалка.

Вовка, коренастый, белобрысый, завидев со двора меня, широко улыбнулся.

- На рыбалку! – кричу ему.

- Айда! – ответил коротко. И устремился в дом. Снял со стены солдатский вещмешок, с которым его отец вернулся с фронта, надел шапку. В путь!

Лёгким, но быстрым шагом подошли к речке, покрытой льдом, а по ней – вверх, между сопок.

Вот уже над нами нависли раскидистые ветви кедров, ёлок... Вот на льду замелькали проталины, журча по камням водой.

- Здесь форель не возьмем, - рассудил друг.- Глубоко.

Остановились, заглянули в промоину. Вода чистая, прозрачная, будто и нет её. Вовка резко ударил каблуком сапога по льду, и тут же несколько рыбин заметались в воде из стороны в сторону.

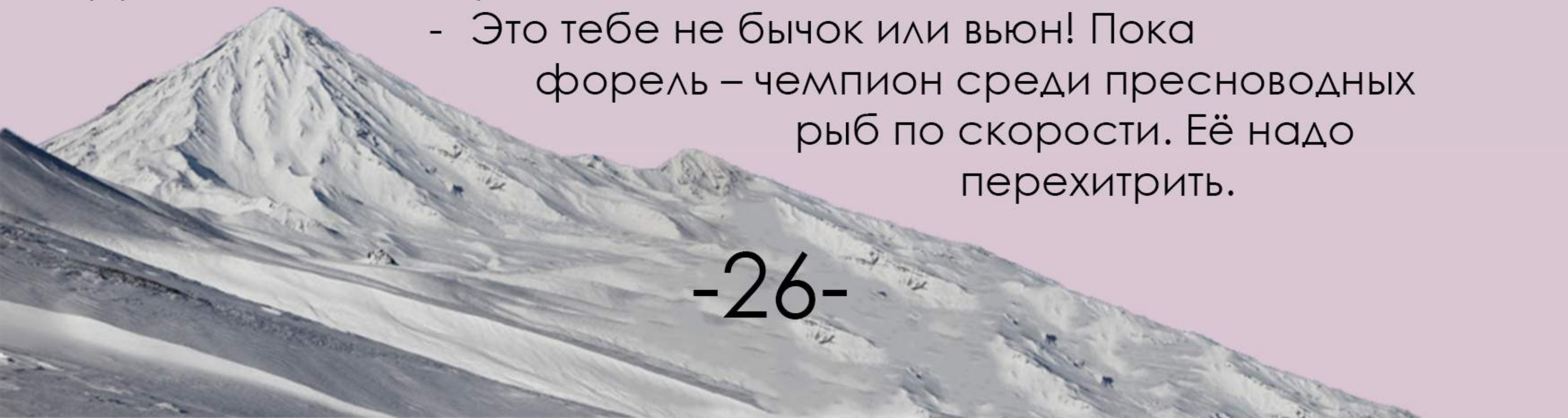
- Здесь не возьмем, - повторил друг.- Пойдем выше, где вода меньше. Надо, чтобы форель плавала на боку, и спинки выглядывали.

Продвигаемся выше. Прогалин стало больше, а над ручьем – пар. Вода – то здесь теплая от многочисленных родников, а мороз сильный. Вот и парит.

И вдруг лёд подо мной треснул, проломился, и ноги скользнули в воду. Сердце моё ёкнуло. Но провалился я неглубоко.

В сапог ударилась рыбина. Я мгновенно окунул руки в ручей – хватать! Не тут-то было! Вовка захохотал:

- Это тебе не бычок или вьюн! Пока форель – чемпион среди пресноводных рыб по скорости. Её надо перехитрить.

... И вот, наконец, заветное место! Ширина ручья – полтора метра, мелкая вода обтекает вокруг камней, а пар – будто здесь гейзеры, как на Курилах.

Вова замер, поднял руку. Я остановился. Он едва заметно наклонился, медленно опустил руки в ручей, затаился...

Мгновение – и вот уже форелина величиной с селедку в его пальцах, намертво сцепленных. А какая красивая! Светлое серебрящееся брюшко, черная спинка, покрытая разноцветными пятнышками.

- Лёха! – говорит мне полупшепотом. – Пройди вверх, берегом, до кривой кедры. Построй запруду из камней, а я то же самое сделаю тут...Только тихо, не топай. Рыба чуткая, всё видит и слышит.

Мне повезло. Под кедром – стопка брёвен, распиленных на дрова. Подхватываю одно, укладываю поперек ручья.

И началась рыбалка.

Вовка в резиновы сапогах – шубурма! – по камням. Выхватывает то и дело из воды рыбок. Я сверху, идя ему навстречу, ворошу камешки, гоню форель, пытаюсь поймать.

Вот первая. Забилась под камень, затаилась. Хвост колышится по течению. Осторожно, чтобы не испугнуть, подвожу озябшие пальцы к ней, ближе к жабрам. Что есть сил, хватаю, сжимаю. Моя! Кидаю форель в сидор.

Вторая, ускользая от Вовки, врезалась в мой сапог, отприкошетилась и стремглав вылетела на берег. Легкая добыча!...

Через час мокрые, продрогшие, с красными, как флажки, руками, но счастливые, мы сидели у костра, развесив на ветках штаны, портянки, обувки. Я подбросил смоляков – пламя зашипело, задышало, запылая, метнулось вверх.

Мало-помалу отогрелись, подсушились, переоделись, затушили костер и быстрым шагом двинулись домой.

Вечерело. Солнце скользнуло за горы, закрывшие горизонт, и тьма разлилась вокруг. Мороз усилился, стал потрескивать лёд. Холод пронизывал нас, но дышалось легко, и в теле возникало ощущение невесомости.

Чтобы согреться, прибавили шагу. В скором времени вдали замелькали огни – окна домов. Вот и Александровка!...

Расставшись с другом, я перешел на бег, миновал ледяные поля – место нашего катания на коньках. Подгоняли темнота, мороз, да ещё то, что где-то там, за багульником, на сопке, слышался волчий вой...

Но вот и мой посёлок Авангард. А вот и дом на окраине. Наконец-то! Наш пёс Джульбарс залился лаем, встречая меня, зазвенел цепью. Я перемахнул через забор и скорее – в дом, в тепло. Вместе со мной в прихожую ворвались клубы морозного воздуха.

Родители, обеспокоенные моим долгим отсутствием, ждали за столом.

- Слава Богу! – в сердцах выдохнула мама, устремившись ко мне навстречу.

Счастливый, я высыпал форель на стол: будет нам великолепный рождественский ужин! Удивительно! А ведь это была моя первая зимняя рыбалка! Да еще и в рождественский день.

- Благословил нас Бог! – улыбнулся отец и потрепал меня по плечу. И я вдруг тоже ощутил это благословение, некую высшую радость, пришедшую к нам через простые вещи.

... Печь раскалена докрасна. На большой сковороде жарится рыба, наполняя комнату неистовым ароматом. А тут и свет вдруг погас. Так и пришлось нам готовить ужин да накрывать праздничный стол при свете керосинки и парафиновых свечей. Но было красиво, и так таинственно поблескивала игрушками рождественская елка, стоящая в углу комнаты!

Это мерцание напомнило мне мерцание звезд в морозном небе, и вдруг все пережитые мной впечатления слились в одну картину, вызывая ощущение неразрывности и единства всего сущего в мире. Едины мы, сидящие в темной комнате за рождественской трапезой, и дорога, ведущая от порога во двор, где завтра мы с отцом напилем целую гору дров, и широкое ледяное поле, по которому снова будем мчаться с друзьями на коньках-снегурках, и тропы, ведущие к реке, в которой,

охваченные азартом, мы с другом ловили форель.

А от реки бежали эти тропы дальше, в сопки,

мимо вековых кедров, и по

склонам вверх, все выше и

выше, туда, где небо,

звезды и

бесконечность...

